

Вэй Усянь прислонился спиной к оконной раме в своей комнате в Цинхэ, небрежно сжимая в руке седьмой... или уже восьмой кувшин вина.

Он определённо выпил немного лишнего, но сейчас ему было всё равно. Луна была яркой, небо - чистым, и он, впервые за три месяца, мог смотреть на звёзды. Он убил тех, кто мучил его, кто бросил его в ад и оставил там гнить. Возможно, это обошлось ему дороже, чем он был готов думать, но те, кто пытал его, были мертвы.

Демонический заклинатель решил, что если бы прямо сейчас он упал с подоконника вниз на улицу, его настроение ни на йоту не испортилось бы. На мгновение он задумался, поможет ли падение забыть всё, от чего ему пришлось отказаться ради мести, но не пришёл к однозначному выводу.

Остатки вина из кувшина плавно перетекли в его горло, и Вэй Усянь позволил пустому сосуду упасть и присоединиться к другим, разбросанным у его ног.

Но когда он потянулся за следующим, его запястье перехватила бледная сильная рука. Длинные тонкие пальцы удерживали его руку неподвижно, и Вэй Усянь моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд, а когда ему это удалось, в ужасе нахмурился. Может быть, он окончательно свихнулся, вообразив руки там, где их не было.

- Вэй Ин.

Он знал этот голос. Глубокий, мягкий, как вино, которое он пил весь вечер, и достаточно сильный, чтобы заставить его сердце биться быстрее.

- Ах, Лань Чжань, - протянул демонический заклинатель, и алкоголь приглушил его, без сомнения, слишком дружелюбный тон. - Прекрасная ночь.

- С тебя достаточно. - Эти длинные пальцы крепко сжимали его запястье. - Уже поздно.

Вэй Усянь вздохнул, ещё сильнее приваливаясь к раме.

- Луна едва взошла, Лань Чжань, а я уже несколько месяцев не видел её восхода. - Он закрыл глаза, борясь с волнами отчаяния, что накатывали на его сердце при виде человека, который так точно нанёс удар по его самой глубокой ране. - Позволь мне насладиться этим ещё немного.

Вэй Усянь чувствовал устойчивое давление руки Лань Ванцзи, удерживающее его на ногах, даже когда его разум плавал в оцепенении алкоголя и горя.

Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как кто-то просто... обнимал его? Не бил, не мучил, не выжигал его душу яростью, гневом и жаждой мести?

Теперь, стоя здесь, с запястьем в руке человека, которого он давно впустил в своё сердце, уже осознавая, насколько мало Лань Чжань ценит его, но сейчас безразличный к этому, он почувствовал, как на него нисходит своего рода покой.

Прошло слишком много времени с тех пор, как его просто обнимали.

Лань Ванцзи сжал запястье Вэй Усяня. То, что он собирался сделать, было огромным вторжением в частную жизнь, но его сердце упало в живот в ту ночь, когда он увидел, как тьма кружится вокруг Вэй Усяня, лаская его, словно живая, так соблазнительно танцуя в воздухе. Не дав своему сознанию достаточно времени, чтобы полностью возразить, он позволил своим пальцам слегка коснуться его пульса, бьющегося сильно и быстро, а затем...

Ничего.

Ни малейшего проблеска, просто зияющая пустота.

Рука Лань Чжаня сжалась, и он снова надавил, чуть сильнее, задаваясь вопросом, не ошибся ли он.

Нет, не ошибся.

С широко раскрытыми глазами Ванцзи повернулся, чтобы посмотреть на человека, привалившегося к оконной раме и смотревшего на луну глазами, полными печали и щемящего одиночества.

- Вэй Ин, - выдавил он хриплым голосом. - Вэй Ин...

- Я так устал, Лань Чжань, - прошептал демонический заклинатель. - Я так устал. - Эти влажные мутные глаза оторвались от неба и уставились на него, ища... что-то. - Я никогда не хотел этого, Лань Чжань, - выдохнул он. - Никогда не хотел. - Он слабо дёрнул рукой.

Лань Ванцзи держался крепко, а Вэй Усянь старался недостаточно серьёзно, чтобы он уступил.

- Вэй Ин, что случилось? - Он решил, что позже будет чувствовать себя виноватым, если усыпит пьяного Вэй Усяня, поэтому предпочёл завести разговор, пытаясь успокоить своё протестующее сознание.

От смеха, слетевшего с вечно улыбающихся губ, по спине Лань Ванцзи пробежали мурашки.

- Я был в аду, Лань Чжань. Я был в аду, одинокий, беззащитный и отчаянный, поэтому я сделал всё, что мог, чтобы выжить, и я стал тем, кого нас учили ненавидеть. - Демонический заклинатель сделал паузу, и улыбка, которую он послал Лань Ванцзи, была не из приятных. - Я всё, что тебя учили ненавидеть. - Небольшой наклон головы. - Теперь ты ненавидишь меня, Лань Чжань?

Губы Лань Ванцзи сжались.

- Я не испытываю ненависти к Вэй Ину, - твёрдо сказал он. - Я не могу.

Взрыв смеха прозвучал издевательски.

- Ты бы меня ненавидел, если бы действительно знал. - Каким-то образом, несмотря на обильное количество выпитого Вэй Усянем вина, он всё ещё чётко выговаривал свои слова, так сильно подчёркивая ненависть к себе в каждом слого.

- Могильные Курганы, - сказал Лань Ванцзи, стараясь говорить как можно ровнее. - В течение трёх месяцев без духовной энергии. - Он чувствовал, как дрожит его тело, и надеялся, что на голосе это не отражается.

Вэй Усянь только махнул свободной рукой:

- Я не напрашивался туда идти, если это тебя интересует. Когда тебя сбрасывают с неба в центр этого места, это действительно проясняет разум.

Случайное подтверждение заставило сердце замереть.

- Как ты выжил? - Ему нужно было знать, хотя он отчаянно не хотел этого. - Как ты смог вернуться? - Ванцзи чувствовал, что, возможно, за последние пять минут сказал больше, чем за последние пять недель, но, если он получит ответы от этого возмутительно пьяного человека, он найдёт слова.

Демонический заклинатель долго молчал, и Лань Ванцзи задался вопросом, ответит ли он вообще, будет ли Вэй Усянь доверять ему настолько, чтобы рассказать.

Потом глубокий вдох, выдох и слова:

- Могильные Курганы наполнены гневом, страхом, болью и страданием. Я... я был пуст, Лань Чжань. Пустота, пустота, ничто там, где когда-то было что-то настолько яркое, что оно ослепляло. - Вэй Усянь не замечал слёз, стекающих по его лицу, сверкающих в лунном свете, прекрасных, несмотря на полнейший ужас того, что он говорил. - Я провалился в Могильные Курганы, в пустоту, и негодование, процветавшее там, нашло себе пристанище. - Он вывернул руку, чтобы самому обхватить запястье Лань Ванцзи. - Знаешь ли ты, как больно, когда сила

тысяч разгневанных душ проникает в твой разум, крича о своей ярости?

Лань Ванцзи знал, что это риторика, потому что никто не должен знать, каково это, и при этом оставаться в живых.

- Ты жив, Вэй Ин, - прошептал он, понимая, что его голос полон эмоций.

Кривая улыбка, которая не коснулась затуманенных выпивкой глаз, была ему ответом.

- Я сделал всё, что мог, чтобы остаться в живых в этом месте, и, в конце концов, выжил. - Долгая пауза. - Моё сердце уже давно пострадало за мой выбор, Лань Чжань, твои слова достигли ушей того, кто уже знал свою судьбу.

«Этот путь вредит телу. Ещё больше вредит природе сердца». Лань Ванцзи почувствовал, как те слова, которые он сказал всего неделю назад, вернулись, чтобы дать ему пощечину.

- Вэй Ин, как ты выжил?

- Я гений, Лань Чжань, разве ты не знал?

Пренебрежительный тон, искажённый алкоголем, был слишком приторным, и Лань Ванцзи рывком развернул Вэй Усяня к себе и потянулся к его лицу. Он провёл большим пальцем по стекающим слезам на слишком бледной щеке и выдохнул:

- Вэй Ин, не лги. Пожалуйста. - Его мольба была полна всех эмоций, которые он не мог показать.

Глаза демонического заклинателя расширились от потрясения и недоверия:

- Лань Чжань...

- Пожалуйста, Вэй Ин, не лги. - Ванцзи было всё равно, что его большой палец ласкал щеку Вэй Усяня.

Сияющие глаза смотрели на Лань Ванцзи захватывающее дух мгновение, прежде чем опуститься к полу.

- Ты возненавидишь меня, и из всех людей в мире, Лань Чжань, я не думаю, что смог бы вынести, если бы ты возненавидел меня.

Выпивка придала речам демонического заклинателя искренности, подумал Лань Ванцзи,

чувствуя, как его собственное сердце гулко стучит в ушах. Собравшись с духом, он сделал глубокий успокаивающий вдох, прежде чем наклониться вперёд и прижаться лбом ко лбу Вэй Усяня:

- Я никогда не мог ненавидеть тебя, Вэй Ин.

Мгновение спустя у Лань Ванцзи перехватило дыхание, и, поддавшись эмоциям, он схватил в охапку заплаканного, пьяного и отчаянно жаждущего прикосновений Вэй Усяня.

- Лань Чжань, Лань Чжань, Лань Чжань, - бормотал тот, словно заклинание; слёзы капали на шею Ванцзи, впитывались в его одежду. - Мне так жаль, Лань Чжань. Мне так жаль.

Мгновение или два было неловко, прежде чем Лань Ванцзи просто отбросил ментальную хватку, которую он держал над своей потребностью обнять Вэй Усяня, и, проигнорировав полдюжины правил Ордена, обхватил руками молодого человека, так отчаянно нуждающегося в объятиях.

- Я здесь, Вэй Ин.

- Я не хотел, но я был там, один и пустой, и они кричали. Это было так громко, Лань Чжань, это было так громко. И тогда я научился их успокаивать. Успокаивать их, чтобы они не кричали так громко, и я впустил их. Мне было нечем, нечем отбиваться, поэтому я не стал. Они свернулись в моём ядре, Лань Чжань, и они кричали мне прямо в душу. Это было так громко, и они были так злы, и мне было больно, но они были там, и это была сила, и я ещё не умирал, поэтому я научился пользоваться ею, Лань Чжань. Они научили меня. Среди всех криков и боли они научили меня, и я выжил.

Это был едва различимый шёпот, слышимый только потому, что рот Вэй Усяня находился рядом с его ухом.

Лань Ванцзи прижал его к себе ещё ближе, почти до боли стискивая хрупкое тело.

- Вэй Ин, прости, что не смог тебя спасти.

Он почувствовал лёгкую дрожь.

- Не извиняйся, Лань Чжань. Пожалуйста, не извиняйся. Ты не сделал ничего плохого.

- Я обвинил тебя, сам того не осознавая, - ответил Ванцзи. - Ты был один, страдал. Потом ты вернулся, а я... - Его слова, какими бы скудными они ни были, предали его.

Вэй Усянь покачал головой:

- Откуда тебе было знать? Я пьян, и мой мозг затуманен, и сейчас я просто болтаю, вот почему я тебе это рассказал. Лань Чжань, ты всё, чего я когда-либо хотел, ты знаешь это, и ты такой чертовски тёплый Лань Чжань, и мне всё равно, ненавидишь ли ты меня или хочешь, чтобы я ушёл и был изгнан за то, что отправился по этой кривой дорожке. Всё это будет позже, но прямо сейчас, прямо здесь, я просто хочу, чтобы ты продолжал держать меня, потому что я боюсь, что разобьюсь вдребезги, если ты меня отпустишь.

Лань Ванцзи потянул Вэй Усяня за мантии, осторожно разворачивая его к себе, а потом повёл его за собой к кровати. Опустившись на светлые простыни, он притянул демонического заклинателя себе на колени и позволил ему свернуться калачиком, прижаться к своей груди и уткнуться лицом в изгиб шеи. Он отвёл его выбившиеся пряди за ухо и мягко сказал:

- Просто отдохни, Вэй Ин. Я здесь. Пока я тебе нужен, я здесь.

Дыхание Вэй Усяня сбилось:

- Лань Чжань, прости, прости, прости.

- Не надо, Вэй Ин. - Он провёл рукой по распущенным спутанным волосам демонического заклинателя, чувствуя, как его горячие слёзы катятся по коже.

- Не... не говори Цзян Чэну, Лань Чжань. Не говори ему, пожалуйста.

У Лань Ванцзи перехватило дыхание, когда он осознал, что запутанные отчёты, которые они получили из Юньмэна, теперь стали ясны как день.

- Это было для него, - тихо пробормотал он. - Почему...

- Пожалуйста, пожалуйста, не говори ему, - умолял Вэй Усянь с тихими, судорожными вздохами сквозь слёзы.

- Не буду. Просто отдохни.

Движением, которое Ванцзи не мог объяснить, он запечатлел поцелуй на виске Вэй Усяня и позволил своим пальцам успокаивающе закружить по спутанным густым волосам.

Руки Вэй Усяня сжали мантии Лань Ванцзи, и он заплакал горше, почти беззвучно, сбивчиво дыша. Он оплакивал своё золотое ядро, которое добровольно отдал; оплакивал мальчика, которым он был и которому он позволил умереть в Могильных Курганах, чтобы выжить; оплакивал души, которые кричали о своей ярости; оплакивал свои чувства к человеку, который сейчас нежно держал его в объятьях, словно демонический заклинатель был хрупкой статуэткой из тонкого стекла.

Лань Ванцзи услышал, как дверь с противоположной стороны тихо открылась, и поднял голову, мысленно радуясь тому, что Вэй Усянь не обратил внимания на вторжение, поскольку он всё ещё цеплялся за его мантии и безостановочно рыдал.

Широко распахнутые испуганные глаза, встретившиеся со взглядом Ванцзи, принадлежали младшему брату человека, которого он держал в объятиях, но, прежде чем Цзян Ваньинь успел сказать хоть слово, Второй Нефрит Гусу Лань покачал головой, многозначительно глядя на дверь.

Был краткий момент колебания, прежде чем Цзян Чэн кивнул и отступил обратно в коридор, тихо прикрыл дверь и так же тихо ушёл.

Лань Ванцзи не знал, как долго он просидел так, держа в руках очень потерянного и сломленного Вэй Усяня. Он, то и дело, прижимался губами к прохладной коже возлюбленного, а его пальцы успокаивали, успокаивали, успокаивали. Ему было всё равно, ночь сейчас или уже утро, он был готов позволить этому моменту длиться столько, сколько Вэй Усянь в нём будет нуждаться, чувствуя, как беспокойство в его собственном сердце стихает, чем дольше он прижимает Вэй Усяня к себе.

Свечи уже давно догорели, когда сбивчивые вздохи сгладились и стихли, когда потоки слёз иссыкли и высохли, когда дрожь переросла в мягкие ритмы сна.

Но руки Вэй Усяня по-прежнему крепко сжимали мантию Лань Ванцзи, что даже не воспринималось как проблема. То, что возлюбленный заснул после нескольких недель (месяцев?) очень скудного сна, было облегчением. Ванцзи не стал укладывать демонического заклинателя в постель, не желая прерывать его сон. Он мог прекрасно отдохнуть и здесь, веса Вэй Усяня в его объятиях было достаточно, чтобы успокоить его.

- Спи, Вэй Ин. Я буду здесь, когда ты проснёшься, любимый.

Он бы не осмелился прошептать это последнее слово, если бы демонический заклинатель не спал, но сейчас ему нужно было, чтобы какая-то часть Вэй Усяня знала, насколько сильно Лань Ванцзи заботится о нём.

Он сомкнул руки вокруг худощавого тела, прижал его к себе, прислонился головой ко лбу Вэй Усяня и закрыл глаза, позволяя усталости ночи и путанице собственных эмоций погрузить себя в сон, успокоенный драгоценным весом, который он прижимал к себе.